

ПОСТКЛАССИЧЕСКОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

И. Л. ЧЕСТНОВ,
профессор кафедры теории
и истории государства и
права СПб юридического
института (филиала) Академии
Генеральной прокуратуры РФ,
д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ

Изменения, происходящие в современном обществе, вынуждают к трансформации правопонимания. Содержание постклассического правопонимания определяется лингвистическим, антропологическим и практическим «поворотами». В результате складывается новая картина правовой реальности. Автор показывает основные характеристики постклассического правопонимания. Основное внимание уделяется практическому измерению права, его знаковой опосредованности и диалогичности.

Ключевые слова: правопонимание, правовая реальность, постклассическая теория права, диалогичность права, лингвистический поворот, знаковость права, антропологический поворот, прагматический поворот, практический поворот.

Конец XX в. совпал с значительными (некоторые считают, что с кардинальными) изменениями общества, которое стало (или становится) глобальным. Современное общество именуют «поздним» или «высоким» модерном, постмодерном, информационным или постиндустриальным. Наиболее важные изменения произошли в картине мира, философии и науке. Классическая эпистемология постепенно вытесняется «неклассической», а затем «постклассической» (или «постнеклассической») ¹ теорией научного знания. Ранее казавшиеся очевидными понятия «человек», «общество», «власть», «право», «государство» проблематизируются. Более того, ставится под сомнение возможность их описания и содержательного определения с помощью исходных положений или

© И. Л. Честнов, 2017

¹По поводу используемой терминологии следует заметить, что она не устоялась в постсовременной науке. На мой взгляд, здесь вполне уместна аналогия с этапами эволюции позитивизма: позитивизм первой «волны», неопозитивизм и постпозитивизм (хотя между фактическим или эмпирическим позитивизмом и логическим неопозитивизмом некоторые выделяют еще одну стадию – эмпириокритицизм). Такую классификацию использует П. Шлаг, выделяя этапы эволюции американской юриспруденции как четыре «эстетики права»: «сетки», «энергии», «перспективизма» и «разобщения» (последняя еще не сложилась и представляет собой отрицание всех предшествующих «эстетик»). Им соответствуют догматический позитивизм, правовой реализм и критические правовые исследования. см.: Шлаг П. Эстетики американского права // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / Под ред. А.В. Полякова. СПб., 2011. С. 118.

концептов классической философии² – истины, рациональности, объективности, научности и т.п. Правопонимание как концептуальное осмысление правовой реальности не может оставаться в стороне от этих изменений, трансформирующих его содержание.

Приход «постклассики» обусловлен тремя «поворотами» в социогуманитарном знании второй пол. XX в. Во-первых, это *лингвистический «поворот»*, который акцентирует внимание на знаково-символическом опосредовании всех социальных (и правовых) явлений. Любое действие, предмет материального мира, сам человек становятся социальными явлениями, только будучи означенными и осмысленными в знаково-символических формах. Язык (точнее – человек, использующий язык) обозначает актами номинации, классифицирует, категоризирует и квалифицирует социальные ситуации, превращая некоторые из них – представляющиеся наиболее значимыми – в правовые. Тем самым, конструирование и воспроизводство правовой реальности происходит с помощью знаковых форм, наиболее важной из которых является язык.³

Знаковость права – это один из аспектов его многогранности, как минимум, дуальности: взаимодополнительности материального (реального, фактического – в терминологии Р. Алекси), и идеального. Знаковость с точки зрения постклассики предполагает приоритет прагматики или включение прагматики в семантику – использование знака дискурсивными и поведенческими (включающими дискурсивность как психический аспект) практиками людей – носителей статусов субъектов права. Поэтому недостаточно постулировать наличие материального и идеального аспектов в праве, но необходимо показать как они взаимодействуют, взаимодополняют друг друга. Юридически значимое действие включает в качестве «субъективной» стороны «значимость» или процесс «означивания» (по терминологии Ю. Кристевой) – приписывание социального значения и индивидуального смысла соответствующему действию. Именно значения и смыслы через мотивацию направляют поведение человека, в т.ч. при конструировании и реализации права.

Во-вторых, важную роль в становлении постклассической методологии сыграл *антропологический «поворот»*, который полагает человека во всех его проявлениях, прежде всего, как существа социокультурного, центром социальности и, тем самым, правовой системы. Именно человек создает правовую реальность, он же ее воспроизводит своими действиями и ментальной (психической) активностью.

В-третьих, «постклассика» (или «постметафизическое мышление» по терминологии Ю. Хабермаса) определяется *прагматическим «поворотом»*, восходящим к знаменитому изречению Л. Витгенштейна: значение слова – это его

²Некоторые радикально настроенные мыслители вообще отрицают адекватность философии и ее основных положений изменившимся социокультурным условиям и предлагают заменить ее литературой (Р. Рорти). Странники «постклассической» мысли против такого радикализма, что не отрицает необходимости кардинальной трансформации философии и науки.

³Не случайно П. Бурдьё полагал критерием или основанием, позволяющим идентифицировать социальную группу и социальный статус официальную номинацию мира: классификацию, категоризацию, а также юридическую оценку социальных явлений и процессов. Поэтому социальная жизнь, в таком случае, – это борьба за право официальной номинации социального мира.

использование (уместно добавить – конкретным человеком) в «языковой игре». Суть практического «поворота» применительно к юриспруденции состоит в том, что право существует только в том случае, если оно (его знаковое выражение) действует, т.е. претворяется в практиках людей – носителей правовых статусов. Действие (а значит – и бытие) права – это поведение и ментальные (психические) активности людей, взаимодополняющие и взаимообуславливающие друг друга как идеальное (психическое) значение и персональный смысл дополняет практическое действие и его результат. Соотнесение своего представления, выраженного в ожидании, с нормой права – обезличенным (обобщенным и социально значимым). Другим (его образом), воплощаемым персональным человеком и типизированной ситуацией – и реализация его (представления – ожидания) в юридически значимом поведении и есть бытие права.

Эти три «поворота» наложились на принципы неопределенности и дополнительности – «краеугольные» камни неклассической философии. Из принципа квантовой физики *постулат неопределенности* утверждает неполноту нашего знания в силу как неисчерпаемости мира, так и ограниченности человеческого разума.⁴ Отсюда очевидна невозможность полного, аподиктического описания, объяснения и тем более предсказания поведения любого более или менее сложного социального явления или процесса (к коим, несомненно, относится право).⁵ Более того, принцип неопределенности не дает возможность дать однозначную оценку какого-либо социального (и правового) явления или процесса в связи с невозможностью рассчитать его латентные дисфункции и отдаленные последствия, а тем самым, выяснить (по крайней мере, количественно) социальное действие правовых норм и институтов и права в целом. *Принцип дополнительности*⁶ постулирует отсутствие

⁴Претензии «законодательного разума» эпохи Просвещения, как и науки на привилегированный эпистемологический и тем самым социальный статус остались в прошлом.

⁵У. Бек по этому поводу пишет: «мировое общество риска... является эпохой цивилизации, в которой решения, касающиеся не только нынешнего, но и последующих поколений, принимаются на основе сознательного незнания». Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 153.

⁶Первоначально этот принцип имел узко-специальную направленность на решение проблемы, вытекающей из принципа неопределенности В. Гейзенберга (точность определения координаты частицы и точность определения соответствующей компоненты ее импульса обратно пропорциональны). Н. Бор не был согласен ни с континуально-волновой позицией Э. Шредингера, ни с корпускулярной позицией В. Гейзенберга. Для него исходным пунктом анализа была парадоксальная неотделимость двух аспектов, которые в классической физике исключали друг друга. В более широком контексте (чем определение кванта как волны и/или частицы) этот принцип включает и онтологический и методологический аспекты: «Нельзя сколько-нибудь сложное явление микромира описать с помощью одного языка». Моисеев Н.Н. Расставаясь с простотой. М., 1998. С. 51-52. Можно согласиться и с мнением В.В. Налимова о том, что «принцип дополнительности меняет наше научное видение Мира – постепенно оно становится все более и более полиморфным. Мы готовы одно и то же явление видеть в разных ракурсах – описывая его теперь не конкурирующими друг с другом моделями. Даже математическая статистика, традиционно устремленная на выбор лучшей – истинной – модели, готова теперь согласиться на существование множества равноправных моделей». Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М., 1995. С. 355.

единственной привилегированной точки зрения на объект и зависимость картины объекта от использованного метода его конструирования и познания. Отсюда можно сделать вывод о приоритете методологии над онтологией права или о зависимости картины правовой реальности от точки зрения наблюдателя и способов определения – конструирования – объекта (правовой реальности) на основе принятых методов. Принцип дополнительности в то же время постулирует неисчерпаемость измерений, точек зрения на объект, и, как следствие, множественность типов правопонимания.

Постклассическая социально-философская парадигма может быть трансформирована в следующую картину правовой реальности: 1) *любое правовое явление (процесс, норма, институт) существует в трех модусах бытия – в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа, включая индивидуальные, групповые и коллективные (социальные, общественные) формы проявления, взаимодействующие друг с другом;* 2) *правовое явление – результат предшествующей практики, в том числе, означивания, в определенном смысле результатом произвола (по отношению к предшествующим юридическим явлениям и практикам), который, впрочем, не может быть каким угодно, выступая, в то же время, относительно устойчивой структурой – массово повторяющимся поведением, зафиксированным знаком и общепринятым ментальным образом;* 3) *правовое явление (институт) не есть некая данность, объективная сущность, открываемая в «природе вещей», а представляет собой социальный конструкт, обусловленный и ограниченный хабиитуализацией (опривычиванием) предшествующих практик;* 4) *оно никогда не является окончательно завершенным, а находится в состоянии постоянного переосмысления, а тем самым, трансформации;* 5) *любое правовое явление контекстуально и релятивно: оно зависит от исторического и социокультурного контекста, то есть, его содержание определяется связью с другими социальными явлениями и обществом как целым.*

Применительно к социальной реальности (а право – момент, сторона социальной реальности) принцип дополнительности означает контекстуальность смысла, а также доминирующее положение целого относительно частей (принцип холизма), проявляющееся, например, в теории поля К. Левина, гештальтпсихологии М. Вертгеймера или системном подходе (элементы системы не существуют вне системного – социального – контекста). В юриспруденции принцип дополнительности пока не получил должествующего ему применения. Косвенно он используется одним из лидеров критических исследований в юриспруденции США, профессором школы права университета Колорадо П. Шлагом. Schlag P. The Problem of the Subject // Tex. L. Rev. – № 69, 1991; Schlag P. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev. № 139, 1991. В частности, американский юрист поднимает проблему субъекта права и «взгляда изнутри» на право (с точки зрения судьи). Такой взгляд, по его мнению, неизбежно является односторонним, и ведет к радикальному упрощению права. – Schlag P. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev. № 139, 1991. P. 1115. Из одной-единственной перспективы вытекает вера в то, что существует единственно верная онтология права, которая не зависит от всех субъектов права (за исключением судей) Schlag P. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev. № 139, 1991. P. 1116-1117. Принцип дополнительности включает в методологию современной криминологии Я.И. Гилинский. – Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб., 2009. С. 25-26.

Таким образом, постклассика – это новое прочтение, переинтерпретация правовой реальности, понимаемой как бытие права или система права в широком смысле слова. *Правовая реальность, с позиций постклассической парадигмы, – это человек (включая объединения, коллективы людей), социализированный в определенной правовой культуре, конструирующий правовую систему; знаковые формы, закрепляющие образцы должного (в широком смысле, включая меру запрещенного и дозволенного поведения) и опосредующие жизнедеятельность человека; действия человека (шире: его поведенческая и ментальная активность) по воспроизводству (в т.ч. переконструированию) правовой системы.* Качество «правового» формируется знаковой формой, наделяющей физическое, фактическое поведение (взаимодействия) статусом юридического, как культура переводит материальное (физическое) в социальное. Функционирование системы права осуществляется через означивание – бинарный код, задаваемый извне, политикой права, которая переводит экстраправовые факторы (в том числе, мораль) в юридические явления.⁷ Поэтому нет правовых феноменов в «чистой» их явленности, а есть приписывание (аскрипция – по терминологии Г. Харта) некоторым социальным явлениям, событиям и процессам свойства «быть правовыми». Таким образом, правовая реальность – это не отдельная (в эмпирико-наглядном смысле) сфера общества, а срез, сторона, аспект социальности, возникающий при означивании (юридической квалификации) тех или иных социальных связей и интеракций как правовых. «Нет такой вещи, как право»,⁸ но есть практическая активность человека по конструированию и воспроизведению правовой реальности.⁹ При этом правовая реальность является многогранным, по большому счету, неисчерпаемым, феноменом,¹⁰ который невозможно исчерпывающим образом описать и объяснить одним (и даже множеством) непротиворечивых способов.¹¹

⁷Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 70, 77.

⁸Так можно перефразировать заявление М. Тэтчер, сделанное по поводу бытия общества: «нет такой вещи, как общество», а есть «отдельные мужчины, женщины и их семьи» – Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012. С. 15.

⁹Право – «сфера человеческого взаимодействия и взаимопонимания, согласия и компромисса, свободы и ответственности, равенства и справедливости...». Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 5. С. 27.

¹⁰В этой связи можно согласиться с А.В. Поляковым, заявляющим: «Права “как такового” не существует. Это означает, что у данного слова нет определенного эмпирически узнаваемого референта. Слово “право” не привязано жестко к какому-либо внешнему эмпирическому объекту». – Поляков А.В. Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сб. науч. тр. / Редкол.: А.Л. Савенок (отв. ред.) и др. Минск, 2012. С. 19. По мнению А.С. Александрова, право – это смысл, рожденный интерпретацией закона. – Александров А.С. Текст закона и право // Там же. С. 120. Однако право – это еще и деятельность по конструированию закона и его реализации в правоотношениях и простых формах соблюдения, исполнения, использования.

¹¹Невозможность описать право одним «единственно правильным способом» не делает теорию права уязвимой, как и наличие множества подходов к его объяснению не мешает юриспруденции художественно выполнять свою социальную функцию. «Вот, скажем, юристы продолжают спорить о теорети-

Исходные начала – или принципы права – обусловленные постклассической парадигмой, отличаются от оснований права в классическом измерении следующими моментами: *коммуникативной дискурсивной рациональностью; интерсубъективностью как заменой натуралистического объективизма; человекоцентризмом; контекстуализмом, исторической и социокультурной обусловленностью права или релятивизмом вместо универсализма; конструируемостью правовой реальности; практическим измерением, включающим процессуальность вместо статичности; знаковым опосредованием; диалогичностью.* Остановимся подробнее на трех последних аспектах бытия правовой реальности.

В «постметафизическом мышлении»¹² происходит перенос акцента с абстрактных, как правило, априорных эссенциалистских рассуждений о сущности или природе права на практическое его измерение. *Практический поворот* предполагает выявление юридических практик, которыми воспроизводится (как традиционно, так и инновационно) правовая реальность. Именно практики образуют содержание юридической догмы и позволяют показать механизм правовой институционализации. В юридических практиках происходит пересечение личностных интенций (потребностей, интересов, целей) с требованиями институций. Правовая культура производит социализацию человека – носителя статуса субъекта права, актора, и включает его в механизм воспроизводства системы права. Тем самым практический поворот акцентирует внимание на динамичности и процессуальности вместо статичности права.

Суть практического «поворота» применительно к юриспруденции состоит в том, что право существует только в том случае, если оно (его знаковое выражение) действует, т.е. претворяется в практиках людей – носителей правовых статусов. Действие (а значит, и бытие) права – это поведение и ментальные (психические) активности людей, взаимодополняющие и взаимообуславливающие друг друга как идеальное (психическое) значение и персональный смысл дополняет практическое действие и его результат. Соотнесение своего представления, выраженного в ожидании, с нормой права – обезличенным (обобщенным и социально значимым) Другим (его образом), воплощаемым персональным человеком и типизированной ситуацией – и реализация его (представления – ожидания) в юридически значимом поведении и есть бытие права.

ческой сущности права. Но все пробелы в философской юриспруденции нисколько не мешали на всем протяжении цивилизации решать казусы судебной практики с поразительной тонкостью. А политики демонстрируют свои дипломатические и административные способности тогда и там, когда и где ни о каких теориях государства слыхом не слыхали. И рыночное хозяйство развивается, несмотря на полемику разных школ экономической науки». – Щавелев С.П. Практическое знание // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под редакцией И.Т. Касавина. М., 2010. С. 171-172.

¹²По мнению Ю. Хабермаса, который ввел в научный оборот термин «постметафизическое мышление», оно означает собственно современное (постсовременное) мышление и характеризуется лингвистическим поворотом, ситуированием разума и преодолением логоцентризма, что выражается в инверсии традиционного доминирования теории над практикой. – Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main, 1988. S. 14.

Такой подход предполагает переосмысление практически всех юридических категорий с формально-догматической на социолого-практическую. Система права, в таком случае, – это ментальные представления (и ожидания), воплощаемые в массовые практики в масштабах социума, соотносимые с господствующими (официальными) системами знаков. При этом действия и социальные представления референтной группы конструируют и трансформируют систему знаков (законодательство). То же самое касается и отдельной нормы права: это социальное представление, выражающее правовые статусы применительно к типовой ситуации и их воплощение в массовых практиках. Важно иметь в виду, что социальные представления и практики складываются из представлений и действий отдельно взятых индивидуумов и включают их личностное, неявное (или фоновое) знание.¹³ Механизм преломления законодательства в социальные представления и господствующие практики всегда соотносимый с этим личностным знанием должен стать объектом пристального внимания социологии права, если она претендует на то, чтобы стать основой практической юриспруденции.

Практический поворот в социологии права призван показать, как именно конструируется правовая система и как она воспроизводится. Очень важным в этой связи является процесс создания реифицирующих понятий, юридических конструкций, составляющих догму права. Юриспруденция не может существовать без них. Но задача практико-ориентированной теории права состоит как раз в том, чтобы «расколдовать» их якобы естественность, продемонстрировать их сконструированность и оценить эффективность, чтобы вовремя изменить. «Расколдовывание» реифицирующих понятий предполагает анализ первичного «произвола» (по терминологии П. Бурдые, заимствованной у Б. Паскаля) и его последующей социальной амнезии – институционализации на основе формирования массового поведения и социального представления, в котором эта многократно повторяющаяся деятельность воспринимается и закрепляется в ментальной (психической) форме. Принципиально важная роль в этом процессе принадлежит правящей элите и референтной группе. Выявление интересов, которые преследуются и теми, и другими и их последующей объективации в социальных представлениях и практиках – важнейшая задача социологии права.¹⁴

Еще более важной задачей, позволяющей повернуться теории права лицом к практическим нуждам юриспруденции, является демонстрация действия права. Что означает эта фраза? В догматическом смысле слова – юридическое действие, т.е. вступление в силу нормативного правового акта. В практическом (социологическом) же смысле – это многоуровневая деятельность¹⁵ по трансформации мировоззрения

¹³О личностном, фоновом знании см.: Searle J. The Background of Meaning // *Speech Act The ory and Pragmatics* / Ed. by J. Searle et al. Dordrecht, 1980; Райл Г. Понятие сознания. М., 1999; Полани М. Личностное знание. М., 1985.

¹⁴Так, по мнению П. Бурдые в основе формирования современного бюрократического государства лежал интерес социальной группы юристов по упрочению своего социального статуса. – См.: Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // *Социология социального пространства*. М., СПб., 2005.

¹⁵Г.Д. Гурвич еще в середине XX в. описывал структуру права в соответствии с многослойностью

в принципы права, юридические конструкции, систему форм внешнего выражения норм права, господствующие методики практической деятельности, традиции и обычаи, в которых воплощаются массовые практики, трансформация всего этого в навыки (личностное знание) конкретного человека в соотношении с его интересами (которые, в свою очередь, представляют собой пересечение интересов социальной группы и личных мотивов).

В этом процессе, выражающем сущность практического поворота, принципиально важную роль играют *господствующие в соответствующей сфере юриспруденции практики, социальные представления о праве (типичных юридически значимых ситуациях), личностное фоновое знание (или юридические личностные стереотипы), персонализация типизаций и идеализаций, индивидуальные смыслы, которыми персонализируются господствующие значения применительно к юридически значимым ситуациям в их интерпретации, а также мотивация.*

Знаковое опосредование права свидетельствует о его текстуальной природе, включающей производство, трансляцию, интерпретацию и использование правовых знаков. Интерпретация права, существующего в текстовой форме (в широком смысле слова текст), как важнейшая составляющая ментальной, психической стороны права, «сопровождает» (дополняет и опосредует) юридически значимые действия и представляет собой превращение правовых значений в индивидуальные смыслы в конкретных правовых ситуациях.

Любое социальное действие становится таковым только тогда, когда предполагается известным окружающим, т.е. получившим наименование и означение (по терминологии Ю. Кристевой – наделение его социальным значением с помощью помещения в контекст интертекста).¹⁶ Таким образом, знак – конститутивный (т.е.

социальной реальности как совокупность собственно правовых институтов, традиционных и новых отношений, обычаев, правовых идеалов и ценностей, коллективных актов признания. Источником правовой реальности для него выступают акты признания. Правовая реальность, по его мнению, интерпретируется юридическим опытом. Субъекты права – конкретные индивиды – попадают в юридически значимые ситуации, в результате чего и приобретают этот опыт. Он же, в свою очередь, интегрируется (объективируется) в «коллективные акты признания». В результате переноса этих актов признания в новые ситуации, они приобретают характер нормативных фактов и являются основанием действительности правовых норм. – Gurvitch G. Grundlegung der Soziologie des Rechts. Neuwied, 1960.

¹⁶Если какое-либо явление фактически существует, но о нем ничего не известно сегодня живущим людям, то его в социальном смысле нет.

¹⁷Реальность, по мнению В.П. Руднева, есть знаковая система, т.к. мы не можем воспринимать реальность, не пользуясь системой знаков. Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М., 2000. С. 180. В другой работе он утверждает: «Мне представляется, что реальность есть не что иное, как знаковая система, состоящая из множества знаковых систем разного порядка, то есть настолько сложная знаковая система, что ее средние пользователи воспринимают ее как незнаковую. Но реальность не может быть незнаковой, так как мы не можем воспринимать реальность, не пользуясь системой знаков. Поэтому нельзя сказать, что система дорожной сигнализации – это знаковая система, а система водоснабжения – незнаковая. И та и другая одновременно могут быть рассмотрены и как системы вещей, и как системы знаков». – Руднев В.П. Реальность как ошибка. М., 2011. С. 12.

необходимый) элемент или аспект правовой реальности.¹⁷ Поэтому изучение права через анализ знакового его аспекта – актуальная задача современной юридической науки. Такой подход позволяет, как представляется, увидеть новые грани бытия права, сформировать новый подход к правопониманию, а также прояснить многие конкретные проблемы юриспруденции.¹⁸

Таким образом, право, как и вся социальность,¹⁹ опосредовано знаковыми формами, вне которых социальное (и правовое) бытие в принципе невозможно.²⁰ Благодаря знакам человеческая активность опредмечивается, объективируется и приобретает собственное, отделенное от своего автора, бытие в ментальных формах – образах и представлениях. Социальные и индивидуальные правовые представления, значения и смыслы образуются при «прочтении» знака и стимулируют (а через механизм интериоризации и мотивируют) поведение человека. Значение с точки зрения современной постклассической науки – не просто содержание понятия, выраженного знаком, а смысл – объем этого понятия, как следует из «семиотического

¹⁸Об этом подробно и обстоятельно написано в чрезвычайно содержательной работе М.В. Байтеевой. Байтеева М.В. Язык и право. Монография. Казань, 2013.

¹⁹По мнению Ю. Кристевой, человеческая вселенная – это знаковая вселенная. Кнабе Г.С. Семиотика культуры: Конспект учебного курса. М., 2005. С. 52. «Если семиотическое описание предстает как универсальный язык переживаемой действительности, т. е. культуры, то сама культура предстает как система знаков и знаковых смыслов, как семиотический текст». Там же. С. 53.

²⁰С.Н. Касаткин, предлагающий переформулировать юридическую догматику на основе анализа словоупотребления, пишет: современная социогуманитаристика «не позволяет (без специальных оговорок и допущений) рассматривать социальный мир (право) как систему вещей, имеющих самостоятельную объективную сущность, границы, свойства, а язык – как совокупность закрепленных за ними знаков-указателей с фиксированным значением. Социальность здесь совместно создаваемое и воспроизводимое людьми «поле» смыслов, ценностей, норм, конструируемых и манифестируемых посредством языка, «языковых игр», которые «встроены» в институты и практики сообщества и выступают «ключами» к их «обостренному восприятию». /.../Язык есть не столько внешняя дескрипция, сколько фундаментальная и неразрывная часть социальных миров/полей. Отсюда, говорить об описании здесь можно только условно: социальность непонятна и невозможна вне своего описания (означивания, номинации), она существует как производство и воспроизводство описаний, их принятие и вменение, конкуренция, борьба за них; давая описания мы в определенном смысле соучаствуем в создании, продлении, изменении социального. /.../

²¹В этом плане само право – постольку, поскольку мы носим его к миру социального – невозможно и непонятно вне языка, вне некоего смыслового поля, герменевтической перспективы, оно само есть определенный смысловой конструкт, лингвистическая единица, правило и практика, определенная языковая игра; история права есть опыт становления и обособления систем словоупотребления, а осмысление права является постижением специфики и механизма действия его языка. Соответственно, та или иная правовая теория – если ее рассматривать в качестве разновидности социальной теории – по отношению к своему объекту выступает конструкцией второго порядка, интерпретацией интерпретации, своеобразным метаязыком. При этом создаваемая теория не существует как привилегированная и внешняя по отношению к лингвистической практике сообщества, но также в той или иной степени «включается» в нее, обновляя и изменяя последнюю, выступая еще одной разновидностью языковой игры, действующей наряду с другими, конкурирующими с ним формами словоупотребления». – Касаткин С. Н. Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики // Юриспруденция в поисках идентичности : сборник статей, переводов, рефератов / Под общ. ред. С.Н. Касаткина. Самара, 2010. С. 12-13.

треугольника Огдена – Ричардса».²¹ После «прагматического поворота», инициированного революционными идеями «позднего» Л. Витгенштейна, значение знака – это его использование в практиках («языковых играх»). Это не отрицает того, что значение включает «обобщенную идеальную модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности»,²² но говорит о том, что значение как модель или образ формируется в процессе социального использования знака.²³ Поэтому, например, значение закона не заключено в нем самом, но конструируется социальным субъектом (господствующей социальной группой) в процессе его реализации.²⁴ Если значение – это социальное представление, фиксирующее способы использования знака, то смысл – это индивидуальный образ, возникающий в процессе интериоризации значений.²⁵ После фиксации смысл текста становится значением, установленным в конкретный момент.

Диалогичность права – это опосредование, взаимодополнение вышеназванных моментов – принципов в онтологическом смысле – правовой реальности. Диалогичность как принятие позиции социально значимого Другого образует содержание легитимации правовых институтов и норм, т.к. соотносит требования общества (транслируемые через статус социально значимого Другого) с личностными интенциями и потребностями.

Любое социальное явление диалогично в том смысле, что оно одновременно и уникально, и типично (социально), а социальный институт (например, право) – это система связей между безличностными социальными статусами, объективированными в соответствующем ментальном представлении, и реализация этих связей в фактически совершающихся взаимодействиях персонифицированных индивидов. Другими словами, диалог – это отношение Я – Ты, за которым всегда скрыто Оно: это уникальная встреча двух личностей, которая трансформируется в типизированную безличностную связь, а затем в последующие фактические взаимодействия.

В окружающем нас мире фактически существуют единичные люди и взаимодействия между ними. Однако в силу необходимости экономии мышления

²²См.: Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. М., 1997. С. 19.

²³Там же. С. 14.

²⁴Не случайно В.Ф. Петренко подчеркивает «двойственный характер» значений: «...они общезначимы по своей природе, но могут существовать лишь в сознании отдельных индивидов, и для психолога представляет интерес именно «присвоение» субъектом общественно выработанных значений, формы их существования в индивидуальном сознании». Там же. С. 57.

²⁵В этой связи возникает принципиально важная и сложная проблема – соотношение использования юридических терминов юристами и обывателями. Об этом, в частности, пишет М.В. Байтеева. Байтеева М.В. Указ. Соч. С. 120.

²⁶Смыслом предложения (*sensus verbatim*) выступает то, чем выступает «говорение» в сознании; т. е. мысль, выраженная в словах, – пишет В.М. Байтеева со ссылкой на Г. Фигала. Байтеева М.В. Указ. Соч. – С. 16. В другом месте она пишет: «С точки зрения феноменологии, представления о том, что такое право и как себя правильно вести, должны быть, прежде всего, самостоятельно осмыслены субъектом. В случае коммуникации речь идет, по крайней мере, о двух сторонах отношений, за-

конкретные жизненные ситуации, так же, как и их участники, объективируются человеческим сознанием в статичные формы, подводятся (в юриспруденции для этого существует специальный термин – квалифицируются) под знакомые типичные взаимодействия. В силу такой объективации они наделяются (в массовом представлении) сверхъестественными, надындивидуальными чертами и «превращаются» в субстанциональные сущности. При этом люди в таких ситуациях ведут себя так, как если бы они были такими (сверхъестественными) на самом деле. В результате происходит «удвоение» социальной реальности: над фактическими взаимодействиями «надстраиваются» социальные роли, выражающиеся, например, в правовых статусах неперсонифицированных субъектов.

Таким образом, «расколдовывание» (деконструкция) правовой реальности заключается в том, чтобы решить «основной вопрос социальной философии права» – прояснить взаимообусловленность индивидуального и типизированного, личности и структуры, действия и нормы. Отсюда можно сделать важный вывод: *бытие права не ограничивается только формой права, но включает и «уникальную» составляющую – процесс формирования законодательства и его восприятия населением, чем фактически руководствуются люди – субъекты права – во взаимодействиях, объективно имеющих юридическое значение.*

Вышеизложенное, как представляется, наглядно свидетельствует о перспективности и эвристическом потенциале постклассического правопонимания (в его «диалогическом варианте»).²⁶

И.Л. Честнов: Постклассикалық құқық түсінігі: негізгі сипаттамалар.

Заманауи қоғамда болып жатқан өзгерістер құқық түсінігінің де трансформациялануына мәжбүр етеді. Постклассикалық құқық түсінігінің мазмұны лингвистикалық, антропологиялық және тәжірибелік «бұрылыстар» арқылы анықталады. Нәтижесінде, құқықтық шындықтың жаңа бейнесі пайда болады. Автор постклассикалық құқық түсінігінің негізгі сипаттамаларын көрсетеді. Заңның іс жүзіндегі өлшеміне, оның таңбалық жанамасы мен диалогтығына басты назар аударылады.

Түйінді сөздер: құқық түсінігі, құқықтық шынайылық, құқықтың постклассикалық теориясы, құқықтың диалогтығы, лингвистикалық бұрылыс, құқық таңбалылығы, антропологиялық бұрылыс, прагматикалық бұрылыс, тәжірибелік бұрылыс.

I.L. Chestnov: Post-classical Understanding of the Law: Key Features.

Changes in modern society have forced the transformation of understanding of the law.

нятых таким осмыслением. Как уже отмечалось, в феноменологии любое «значение» осмысляется в рефлексивной, обратной связи представления в сознании. Опыт разных субъектов выступает предпосылкой общего восприятия, что выражается через интерсубъективность». Там же. С. 36.

²⁶Это не исключает другие варианты постклассической (или неклассической, современной) юриспруденции, которые активно разрабатываются А.В. Поляковым, А.С. Александровым, Н.В. Андриановым, Я.И. Гилинским, С.И. Максимовым, Ю.Е. Пермяковым, В.И. Павловым, А.В. Ствобой, Н.В. Разуваевым, Е.В. Тимошиной, Е.Н. Тонковым и некоторыми другими учеными-юристами.

The post-classical understanding of the law is determined by the linguistic, anthropological and practical «turns». As a result we can see the new picture of legal reality. The author reveals the key characteristics of the understanding of post classical law. The article focuses on the practical dimension of law, its significance and dialogueness.

Keywords: understanding of law, legal reality, postclassical theory of law, dialogueness of law; linguistic turn; significance of law; anthropological turn; pragmatic turn; practical turn.

Библиография:

1. Шлаг П. Эстетики американского права // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / Под ред. А.В. Полякова. СПб., 2011. С. 118.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 153.
3. Моисеев Н.Н. Расставаясь с простотой. М., 1998. С. 51-52.
4. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М., 1995. С. 355.
5. Schlag P. The Problem of the Subject // Tex. L. Rev. – № 69, 1991. Schlag P. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev. № 139, 1991.
6. Schlag P. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev. № 139, 1991. P. 1115.
7. Schlag P. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev. № 139, 1991. P. 1116-1117.
8. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб., 2009. С. 25-26.
9. Поляков А.В. Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сб. науч. тр. / Редкол.: А.Л. Савенок (отв. ред.) и др. Минск. 2012. С. 19.
10. Щавелев С.П. Практическое знание // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под редакцией И. Т. Касавина. М., 2010. С. 171-172.
11. Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main, 1988. S. 14.
12. Searle J. The Background of Meaning // Speech Act Theory and Pragmatics / Ed. By J. Searle et al. Dordrecht, 1980.
13. Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социология социального пространства. М., СПб., 2005.
14. Gurvitch G. Grundlegung der Soziologie des Rechts. Neuwied, 1960.
15. Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М., 2000. С. 180.
16. Руднев В.П. Реальность как ошибка. М., 2011. С. 12.
17. Кнабе Г.С. Семиотика культуры: Конспект учебного курса. М., 2005. С. 52.
18. Касаткин С.Н. Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики // Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов / Под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара, 2010. С. 12-13.
19. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. М., 1997. С. 19.

References (transliterated):

1. Schlag P. Ehstetiki amerikanskogo prava // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. № 3. 2010 / Pod red. A.V. Polyakova. SPb., 2011. S. 118.
2. Bek U. Vlast' i ee opponenty v ehpoju globalizma. Novaya vseмирno-politicheskaya ehkonomiya. M., 2007. S. 153.
3. Moiseev N.N. Rasstavayas' s prostotoj. M., 1998. S. 51-52.
4. Nalimov V.V., Drogalina Zh.A. Real'nost' nereal'nogo. Veroyatnostnaya model' bessoznatel'nogo. M., 1995. S. 355.
5. Schlag P. The Problem of the Subject // Tex. L. Rev. № 69, 1991. Schlag P. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev. № 139, 1991.
6. Schlag P. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev. № 139, 1991. R. 1115.
7. Schlag P. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev. № 139, 1991. R. 1116-1117.
8. Gilinskij Ya.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, ehmpiricheskaya baza, social'nyj kontrol'. 2-e izd. SPb., 2009. S. 25-26.
9. Polyakov A.V. Kommunikativnyj podhod k pravu kak variant postklassicheskogo pravoponimaniya // Klassicheskaya i postklassicheskaya metodologiya razvitiya yuridicheskoy nauki na sovremennom ehstape: sb. nauch. tr. / Redkol.: A.L. Savenok (otv. red.) i dr. Minsk. 2012. S. 19.
10. Shchhavelev S.P. Prakticheskoe znanie // Social'naya ehpiistemologiya: idei, metody, programmy / Pod redakciej I. T. Kasavina. M., 2010. S. 171-172.
11. Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main, 1988. S. 14.
12. Searle J. The Background of Meaning // Speech Act Theory and Pragmatics / Ed. By J. Searle. Dordrecht, 1980.
13. Burd'e P. Ot «korolevskogo doma» k gosudarstvennomu interesu: model' proiskhozhdeniya byurokraticheskogo polya // Sociologiya social'nogo prostranstva. M., SPb., 2005.
14. Gurvitch G. Grundlegung der Soziologie des Rechts. Neuwied, 1960.
15. Rudnev V.P. Proch' ot real'nosti: issledovaniya po filosofii teksta. M., 2000. S. 180.
16. Rudnev V.P. Real'nost' kak oshibka. M., 2011. S. 12.
17. Knabe G.S. Semiotika kul'tury: Konspekt uchebnogo kursa. M., 2005. S. 52.
18. Kasatkin S.N. Yurisprudenciya i slovoupotreblenie. Proekt yuridicheskoy dogmatiki // Yurisprudenciya v poiskah identichnosti: sbornik statej, perevodov, referatov / Pod obshch. red. S. N. Kasatkina. Samara, 2010. S. 12-13.
19. Petrenko V.F. Osnovy psihosemantiki: Ucheb. posobie. M., 1997. S. 19.